

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК
ПУШКИНСКАЯ КОМИССИЯ

**ВРЕМЕННОК
ПУШКИНСКОЙ
КОМИССИИ**

Выпуск 32

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Санкт-Петербург
«Росток»
2016

УДК 821.161.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)1
В81

Редакционная коллегия:
А. Ю. Балакин (*ответственный редактор*),
М. Н. Виролайнен, Н. Г. Охотин

Рецензенты:
Е. Н. Григорьева, В. А. Мильчина

ISBN 978-5-94668-207-7

© Авторы статей, 2016
© Пушкинская комиссия РАН, 2016

одной из гипотез, запись была оформлена «несомненно до публикации “Пророка”»²³ в феврале 1828 г.²⁴ Действительно, на первый взгляд представляется очевидным, что «вспоминать» «Пророка» при уже существующей публикации для Шевырева не было никакой надобности. Однако эта, казалось бы, абсолютно ясная и логичная версия нарушает текстологическую целостность самой шевыревской копии: получается, что записи на обороте (две эпитаграммы) были сделаны лишь через пять (или более) лет после того, как был заполнен первый лист. Теоретически это допустимо, но выглядит спорно. Безусловно, комментаторам «Пророка» следует учесть эти важные обстоятельства.

Н. А. Карпов

---

²³ Березкина С. В. «Пророк» Пушкина: современные проблемы изучения // Русская литература. 1999. № 2. С. 42. Такую же позицию занимает, к примеру, и Д. П. Ивинский. Замечая, что «мы ничего не знаем о времени и обстоятельствах создания данного списка», он склонен датировать его «не ранее весны 1827 года» (Ивинский Д. П. «Всего должно быть четыре стихотворения...»: К истории ранней редакции стихотворения А. С. Пушкина «Пророк» // А. М. П.: Памяти А. М. Пескова. М., 2013. С. 255, 256). Возможность создания копии в 1830-е годы даже не рассматривается.

²⁴ «Пророк» был опубликован в № 3 «Московского вестника» за 1828 г. (С. 269–270).

К ВОПРОСУ ОБ ОНОМАСТИЧЕСКОМ ПРОТИВОРЕЧИИ В «СКУПОМ РЫЦАРЕ»

Что касается служанок, то они
все превращались в Николетт.

Гого, «Отверженные»

Проблемы пушкинского ономастикона разработаны уже столь подробно, что превратились нынче чуть ли не в специальную научную дисциплину.¹ В настоящей заметке речь пойдет об одном ономастическом противоречии, породившем примечательный спор в современном пушкиноведении. Проблема эта была впервые сформулирована М. Ф. Мурьяновым в 1969 г.: «...почему для оруже-

---

¹ Библиографический обзор работ, посвященных пушкинскому имени, см. в кн.: Ковалев Г. Ф. Пушкин и имя. Воронеж, 2009.

носца молодого барона Альбера Пушкин выбрал странное имя Иван, когда национальный колорит трагедии создают в первую очередь собственные имена — Альбер, Делорж, Клотильда, Ремон, Тибо».²

Сам Мурьянов продемонстрировал недюжинную эрудицию в поисках ответа на поставленный им вопрос. «Если обратиться к рыцарской культуре, — писал исследователь, — то здесь найдется <...> убедительный прообраз, персонаж романов Кретьена де Труа и Гартмана фон Ауэ — Ивен, или рыцарь Льва (*фр.* Yvain, ou le Chevalier au lion, *ит.* Ivano o il Cavaliere del Leone, *швед.* Ivan Lejonriddaren, *нем.* Iwein, der Löwenritter). Спорность избранной Пушкиным графической формы *Иван* не настолько велика, чтобы препятствовать отождествлению: не забудем, что исторической фонетики как науки в 1830 г. не существовало и в самой Франции интерес к средневековой литературе только успел пробудиться. Роман Кретьена де Труа еще не был полностью опубликован, и можно предположить, что данные, имевшиеся в распоряжении Пушкина, почерпнуты из какого-то хрестоматийного источника».³

Разыскания Мурьянова, произвольно отождествившего имя слуги (Иван) и рыцаря (Ивен), нашли своих прямых или косвенных продолжателей. Так, В. Э. Рецептер выдвинул предположение, согласно которому «необъяснимо русское имя слуги» в «Скупом рыцаре» может быть поставлено в связь с рыцарем Айвенго (Ivanhoe) из одноименного романа Вальтера Скотта.⁴

Еще более экзотическую версию представил в 1985 г. С. Л. Шолохов. Здесь кажется уместным дать пространную выдержку из статьи известного нынче тележурналиста: «Современная Пушкину драматургия, особенно направление в ней, связанное с именем Карамзина, испытывала противоположную (русификации. — В. С.) потребность: возвышенные и благородные герои назывались, как правило, Эраст или Лиодор. Так, в пьесе И. Н. Ильина “Лиза, или Торжество благодарности” (СПб., 1803) благородный юноша Лиодор оказывается сыном помещицы Добросердовой. Иван или Мартын столь же уместны в Бургундии XV в., как Эраст с Лиодором в России XIX в., — такая подспудная мысль могла привнести оттенок иронии (если не литературно-полемической, то мистификатор-

² Мурьянов М. Ф. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» // Временник Пушкинской комиссии. 1969. Л., 1971. С. 101.

³ Там же. С. 102–103.

⁴ Рецептер В. Э. «Я жду его»: (Скрытый сюжет «Скупого рыцаря») // Звезда. 2001. № 2. С. 176. См. также: Притяжение «Скупого рыцаря». СПб., 2001. С. 26.

ской) в выбор наименования. Это тем более вероятно, что в случае с Иваном Пушкин — опять-таки не без иронии — мог ориентироваться на читателей, т. е. на читавших книгу “Иван Слуга”, “украшавшую” книжную полку, наверное, не только Пушкина.⁵ Речь идет о сентиментально-наставительном опусе бывшего слуги, который стал затем управляющим. Он пожелал скрыть свою фамилию, если не считать его фамилией титул “Слуга”, который, быть может, благодаря этой книжечке так тесно был связан в сознании Пушкина с именем Иван, что ассоциация напрашивалась сама собой. Вполне возможно, впрочем, что автором брошюры “Иван Слуга” могло быть и духовное лицо: книжка дозволена к печати Цензурным комитетом при Санкт-Петербургской Академии. Но главное то, что автор ее обращался от имени Ивана-слуги ко всем российским слугам: “Книжку сию мною написанную посвящаю я всем слугам и надеюсь, что они наставления мои примут дружественно, как я их писал”.⁶ Образ идеального слуги, нарисованный автором, повествование о всевозможных искушениях, подстерегающих слугу в его повседневной жизни, вышли очень красноречиво. Поэтому возможно, что книжка “Иван Слуга” (а она явно рассчитана на популярность) вписывалась и в контекст читательского восприятия образа Ивана из “Скупого рыцаря”. В то же время несоответствие его “идеалу” слуги могло привнести дополнительный оттенок иронии в отношении Альбера — Ивана — Соломона.⁷

В рассуждениях С. Л. Шолохова многое неверно. Прежде всего, стоит заметить, что упомянутая брошюра «Иван Слуга» не стоит особняком, но входит в ряд трактатов, распространявшихся Российским библейским обществом в 1813—1826 гг.⁸ Значительная

⁵ См.: *Модзалевский Б. Л.* Библиотека А. С. Пушкина: Библиографическое описание. СПб., 1910. С. 44.

⁶ *Иван Слуга.* СПб., 1817. С. 19.

⁷ *Шолохов С. Л.* Об имени Иван в трагедии Пушкина «Скупой рыцарь»: (К вопросу о пушкинском историзме) // *Вопросы историзма и реализма в русской литературе XIX — начала XX века.* Л., 1985. С. 119.

⁸ Подробнее о Российском библейском обществе см.: *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество. 1812—1826 // *Вестник Европы.* 1868. № 8. С. 639—712; № 9. С. 231—297; № 11. С. 222—285; № 12. С. 708—768. К сведениям А. Н. Пыпина мимоходом прибавим, что «усердным почитателем Библейского общества» и одним из первых переводчиков брошюр, издававшихся английским «Обществом трактатов», был, в частности, И. В. Лопухин. См., например: *Разговор двух матрозов после бури <...> / С франц. перевел [И. В. Лопухин] усердный почитатель Библейского общества, в селе Воскресенском, Ретяжи тож // Друг юношества.* 1814. Янв. С. 89—107. Именно в «Друге юношества» печатались переводы различных методистских брошюр, впоследствии распространявшихся в рамках Российского библейского общества отдельными изданиями.

часть этих трактатов была, как известно, переведена с английского княгиней Софьей Сергеевной Мещерской (1775—1848).⁹ Не исключение в этом отношении и брошюра под названием «Иван Слуга». Документальное подтверждение сказанному — письмо С. С. Мещерской английской писательнице Ханне Мор (Hannah More; 1745—1833), перу которой принадлежит множество религиозных трактатов для общепнародного чтения, первоначально издававшихся в 1795—1797 гг.¹⁰ Письмо это не имеет полной датировки, сохранилось только указание на день — 22 октября. В своем послании Мещерская уведомляет английскую писательницу о том, что она уже перевела на русский по меньшей мере три ее трактата: «Shepherd of Salisbury Plain», «Wealthy Farmers» и «Charles the Footman».¹¹ Все

⁹ Кн. С. С. Мещерская владела многими иностранными языками, в том числе и английским. См., в частности, свидетельство Джона Патерсона: «В пятницу пополудни мы отправились на другой конец города, расположенный в девяти милях езды, и пили чай с княгиней Мещерской и ее сестрой, княгиней Голицыной. Обе говорили по-английски, и потому беседа наша оказалась самой приятной и оживленной» (цит. по: *The Book for Every Land: Reminiscences of Labour and Adventure in the Work of Bible Circulation in the North of Europe and in Russia. By the late John Paterson, D. D.* <...>. London, 1858. P. 172). Список брошюр Библейского общества, разосланных по епархиям князем А. Н. Голицыным, приводится в кн.: *Чистович И. А.* История перевода Библии на русский язык. 2-е изд. СПб., 1899. С. 95—96. В примечании к списку, состоящему из 37 книг, Чистович сообщил, что «большая часть этих брошюр переведена с английского языка. В издании их принимала самое живое участие Софья Сергеевна Мещерская». По данным А. Н. Пыпина, «княгиня Мещерская издала 93 книги и брошюры, в числе более 400 000 экземпляров; все вместе эти издания составляли до 18 томов» (см.: *Пыпин А. Н.* Российское библейское общество. 1812—1826 // *Вестник Европы.* 1868. № 9. С. 254). Будущим исследователям еще предстоит определить, какие именно трактаты принадлежат непосредственно С. С. Мещерской, а какие — другим переводчикам.

¹⁰ Список трактатов, автором которых считается Ханна Мор, см. в кн.: *Jones M. G.* Hannah More. Cambridge, 1952. P. 272—273.

¹¹ «Сударыня, хотя я и не в силах выразить вполне свои чувства английским языком, и хотя я уже многократно бралась за перо, но все понапрасну, тем не менее не могу не писать к Вам и почитаю своим долгом засвидетельствовать Вам свою сердечнейшую благодарность. Пусть мое письмо написано чрезвычайно слабым и столь далеким от совершенства слогом, однако чувство стыда, испытываемое мною при этом, совершенно теряется в искреннем восторге, который охватывает меня при чтении любезно присланных Вами книг. Почитаю Вашу присылку, сударыня, за новое побуждение перевести еще некую часть из помянутых сочинений. Я уже закончила перевод “Пастуха Сализбургской долины”, “Зажиточных поселян” и “Служку Чарльза”, и все они были с большим удовольствием встречены читателями у меня на родине. К величайшему сожалению, моих способностей явно недостаточно, чтобы перевести такие Ваши труды, как “Деятельное благочестие”, “Христианскую этику” и проч., и проч. Увы, сударыня, я весьма худой и посредственной переводчик» (цит. по: *Memoirs of the life and correspon-*

упомянутые в письме сочинения поддаются однозначной идентификации. Первый трактат — это «Благочестие в хижине, или Пастух Сализбургской долины» (1815).¹² Второй — «Повествование о двух приятелях, или Следствие модного воспитания» (1816).¹³ И, наконец, третий трактат — это и есть «Иван Слуга» (1815).¹⁴

Следует отметить, что Иван Слуга из одноименной брошюры не имеет ничего общего с пушкинским Иваном из «Скупого рыцаря» ни в типологическом, ни в каком-либо ином отношении. Наличие «Ивана Слуги» в библиотеке Пушкина могло бы послужить сколько-нибудь серьезным аргументом в доказательной базе, если бы мы не имели дело с тривиальнейшим словосочетанием и персонажем русской литературы (ср., например, Ваньку-слугу в комедии И. А. Крылова «Пирог» или Ивана-слугу в комедии А. С. Грибоедова «Студент»). Более того, в переводном трактате «Иван Слуга» все реалии и имена действующих лиц полностью русифицированы, и никакого ономастического противоречия в нем не обнаруживается.

Итак, коротко рассмотрев предшествующие гипотезы, мы вынуждены их отвергнуть и вернуться к самому началу. Чтобы ответить на поставленный Мурьяновым вопрос, необходимо, на наш взгляд, проанализировать, как функционировали имена слуг в литературе допушкинской поры. Прежде всего, нас интересует вопрос, можно ли отыскать русские переводные или оригинальные сочинения, в которых иностранные имена действующих лиц соседствовали бы с русскими именами слуг. Даже самого беглого взгляда на русскую литературу XVIII в. достаточно, чтобы отыскать примеры, соответствующие заданным выше параметрам.

---

dence of Mrs. Hannah More. By William Roberts, Esq., author of «The Portraiture of a Christian Gentleman». New York, 1834. Vol. 2. P. 268).

¹² The Shepherd of Salisbury Plain / [By Hannah More]. [London], [1795]; имелись многочисленные переиздания. Рус. пер.: Благочестие в хижине, или Пастух Сализбургской долины / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1819. Английский оригинал и его автор идентифицированы в кн.: Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2013. Т. 3: (М—О). С. 96 (№ 5169).

¹³ The Two Wealthy Farmers / [By Hannah More]. [London], [1795]; также многочисленные переиздания. Рус. пер.: Повествование о двух приятелях, или Следствие модного воспитания / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1816; [2-е изд.] СПб., 1817; [3-е изд.] СПб., 1821.

¹⁴ The History of Charles Jones, The Footman. Written by himself / [By Hannah More]. [London], [1796]; также многочисленные переиздания. Рус. пер.: Иван Слуга / [Пер. с англ. кн. С. С. Мещерская]. СПб., 1815; [2-е изд.] СПб., 1817. Издана также под заглавием «Иван Григорьев, или Щастливый слуга» (СПб., 1833; 1836; 1838). См. также: Сводный каталог русской книги. 1801—1825. М., 2007. Т. 2: (Е—Л). С. 89 (№ 2966).

Возьмем вначале чрезвычайно показательное «Послание от английского стихотворца Попа к доктору Арбутноту» (1798). Иван Дмитриев, как известно, воспользовался французским переводом-посредником¹⁵ для передачи знаменитого «Послания» А. Поупа. Переложение Дмитриева открывается следующими стихами:

Иван! запри ты дверь, защелкни, заложи,
И кто бы ни стучал, отказывай! Скажи,
Что очень болен я; скажи, что умираю...¹⁶

Иван слуга — единственный персонаж «Послания», чье имя было русифицировано переводчиком. В высшей степени примечательно и то, что Жак Делиль — автор французской версии «Послания», с которой работал И. Дмитриев, — демонстрирует то же ономастическое противоречие: он вводит слугу с французским именем Jean в эпистолу, все герои которой носят английские имена! Учитывая устойчивый интерес, проявленный Пушкиным к дмитриевскому «Посланию»,¹⁷ было бы чрезвычайно соблазнительно увидеть в по-

¹⁵ Возможный источник: Traduction de l'Épître de Pope au docteur Arbuthnot / Par le C. Delille // Almanach des Muses, pour l'an quatrième de la République Française. Paris, [1796]. P. 229–244. Впервые переложение Ж. Делиля было полностью напечатано в журнале «La Décade philosophique, littéraire et politique» (Paris, [1795]). Т. 6, № 44 (20 Messidor). P. 105–110; № 45 (30 Messidor). P. 165–169).

¹⁶ Сочинения Дмитриева. 3-е изд. М., 1810. Ч. 1. С. 81.

¹⁷ Наличие у Пушкина реминисценций из дмитриевского «Послания» отмечалось неоднократно. Так, еще В. В. Вересаев обратил внимание на связь между стихом из «Евгения Онегина» («И Дмитрев не был наш хулитель») и фразой из дмитриевского «Послания» («Свифт не был мой хулитель») (см.: Вересаев В. Спутники Пушкина. М., 1937. Ч. 2. С. 60). Это же наблюдение впоследствии находим и в работах других исследователей: в набоковском комментарии к «Евгению Онегину», в заметках «О Пушкине» Анны Ахматовой и др. Ср.: Михайлова Н. И. Пушкин и И. И. Дмитриев // Пушкин и его современники. СПб., 1999. Вып. 1 (40). С. 197. Следует, впрочем, отметить, что не только Пушкин, но и другие поэты его времени использовали те или иные стихи из дмитриевского «Послания» в своих сочинениях и личной переписке. Например, фразу «весь Парнас, весь сумасшедших дом» в том или ином виде можно найти в письмах: 1) К. Н. Батюшкова — Н. И. Гнедичу от 3 января 1810 г.; 2) Н. И. Гнедича — А. П. Полозову от 24 июня 1810 г.; 3) К. Н. Батюшкова — Д. В. Дашкову от 9 августа 1812 г.; и 4) П. А. Вяземского — А. И. Тургеневу от 20 января 1819 г. См., соответственно: 1) Из собрания автографов Императорской публичной библиотеки: Письма и записки к Н. И. Гнедичу. Письма князя П. А. Вяземского // Отчет Императорской публичной библиотеки за 1895 год. СПб., 1898. Отд. «Приложения». С. 11; 2) Тиханов П. Николай Иванович Гнедич (1784–1884): Несколько данных для его биографии по неизданным источникам к столетней годовщине дня его рождения. СПб., 1884. С. 40. (Сб. ОРЯС. Т. 33, № 3);

следнем возможный источник пушкинского ономастического противоречия. Однако подобный вывод оказался бы ошибочным.

В русской литературе XVIII в. существуют многочисленные примеры бытования формулы «иностранные имена героев + русское имя слуги». Так, Алексей Алфимов, переводчик драмы Арно Беркена (Berquin; 1747–1791) «Карл II», сохранил иностранные имена всех действующих лиц, за исключением трех слуг лорда Виндгама: Роре, Thomas и Jacques превратились у Алфимова в Алексея, Фому и Якова.¹⁸ При этом, как легко заметить, и сам Беркен дал французское имя по меньшей мере одному из слуг английского лорда.

Иван Текутьев, переводя с французского комедию М.-А. Леграна (Legrand, 1673–1728) «Le galant coureur, ou L'ouvrage d'un moment» (1722),¹⁹ также впал в рассматриваемое нами ономастическое противоречие. Среди незначительных элементов русификации, отмеченных ранее исследователями, заслуживают внимания русские имена слуг: вместо «Champagne» и «Crique» в русском переводе стоят «Иван» и «Михайло». При этом имена основных персонажей комедии были сохранены переводчиком.²⁰

В числе прочих примеров можно упомянуть и первую комедию Д. И. Фонвизина — «Корион» (1764), переделанную в русскую с французского языка.²¹ Среди немногочисленных действующих лиц с классическими или псевдоклассическими именами особняком стоит слуга Корионов — Андрей. Действие же комедии перенесено в подмосковную деревню.

Подобные примеры можно без особого труда умножить.²² Само собой разумеется, что Фонвизин, Текутьев, Алфимов и Дмитриев

---

3) Батюшков К. Н. Соч. СПб., 1886. Т. 3. С. 199; 4) Остафьевский архив князей Вяземских. СПб., 1899. Т. 1. С. 190. Кроме того, высокой частотностью и вариативностью отличался и другой стих из «Послания»: «уставщики кавык, всех строчных препинаний».

¹⁸ Карл II. Драма в пяти действиях, взята из книги «Друг юношества», сочинения г. Беркина / С французского перевел Алексей Алфимов. М., 1788.

¹⁹ Щеголеватой скороход, или Одноминутное дело. Комедия г. Легранда / Переведенная на российской язык Иваном Текутьевым. [М.], 1764.

²⁰ Демин А. О. Текутьев Иван // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 2010. Т. 3. С. 228.

²¹ По замечанию В. И. Лукина: «Из дел господина Грессета, где она под именем “Сиднея” всему ученому свету известна, переделана и переименована господином фон-Визинным» (цит. по: Сочинения и переводы Владимира Игнатьевича Лукина и Богдана Егоровича Ельчанинова. СПб., 1868. С. 113).

²² См., например: Тесть и зять: Комедия в трех действиях. Вольный перевод [В. И. Лукина] с комедии г. Колье, называемой *Depuis et Deronnais*. СПб., 1768. Действующие лица: Менандр, отец Софин; София, любовница Изидорова; Изидор; Филат, дворецкий Менандров; Федор, комнатный его слуга.

никак не связаны друг с другом и не могут быть отнесены к какой-либо литературной общности, негласно условившейся применять особенные принципы «склонения на свои нравы», хотя бы потому, что никакой общности между ними, как известно, не существовало. Все перечисленные сочинители действовали «в духе времени», и это, пожалуй, единственное, что их объединяет.

«Склонение на свои нравы», сколь бы условным оно ни было, иной раз нарушало все условности и устремлялось в будущее, становясь невольным пророчеством. Так, анонимный переводчик комедии Г. Э. Лессинга «Клад»²³ сделал в своем переложении ряд замечательных субституций. По словам Р. Ю. Данилевского, «имена героев были либо совсем заменены русскими значащими именами (Леандр — Любим, Маскариль — Урвил, Рапс — Хват), либо переделаны для удобства русского произношения».²⁴ Одним из таких имен было, между прочим, и *Staleno*, для удобства русского произношения превратившееся в... Сталин.

Из сказанного выше закономерно вытекает вопрос: почему некоторые писатели XVIII в. в пределах одного произведения транслитерируют имена основных действующих лиц, а имена слуг — русифицируют? Что стоит за этим устойчивым стремлением? Какова была мотивация сочинителей? Эти вопросы, насколько известно, вообще не поднимались в литературе, хотя проблемам исторической эволюции передачи имен собственных и уделялось достаточно внимания.²⁵

Среди автопризнаний самих писателей XVIII в. пока не удается найти верного объяснения в явном виде. Можно лишь отыскать высказывания, чрезвычайно близкие к нашим поискам, но все они не вполне достигают цели. К примеру, в предисловии к «Детскому собеседнику» А. Беркена переводчик писал: «Для удобного и при-

---

²³ Клад. Комедия в одном действии г. Лессинга / Переведена вольно с немецкого. СПб., 1779.

²⁴ Данилевский Р. Ю. Лессинг в русской литературе XVIII века // Эпоха Просвещения: Из истории международных связей русской литературы. Л., 1967. С. 292.

²⁵ См.: Калакуцкая Л. П. Склонение фамилий и личных имен в русском литературном языке. М., 1984. С. 6 («Меняются времена, меняются способы заимствования собственных имен: XVIII в. — период русификации заимствований: Машенька Лескова из Манон Леско; начало и середина XIX в. — период транслитерации: Дидрот, Фальконет, Боннет, Гюи де Мопассан и под.; конец XIX в., начало XX в. и настоящее время — переход к транскрипции, а затем к практической транскрипции собственных имен: Бонне, Фальконе, Дидро (но Марат)»). См. также: Реформатский А. А. Перевод или транскрипция? // Восточнославянская ономастика. М., 1972. С. 317–327.

ятного чтения самых предметов переменял я чужестранные имена действующих лиц на русские». ²⁶ Этот документ интересен тем, что в нем прямо и недвусмысленно зафиксирована мотивация переводчика XVIII в. Однако в указанной книге русификация подверглись все имена героев, и потому высказывание И. Ф. Янковича де Мириево к интересующему нас случаю неприменимо.

Та же мотивация присутствует и в анонимно изданном переводе комедии Дидро «Побочный сын», ²⁷ переводчиком которой был, вероятно, Б. Е. Ельчанинов. ²⁸ Из «Предисловия переводчика» читатель узнает, что некоторые имена действующих лиц Ельчанинов вынужден был заменить на русские, поскольку они «весьма неприятны в выговоре нашем». Однако, как показал Л. Б. Светлов, ²⁹ только два имени подверглись русификации: слуга Charles, который превратился в Карпа, и горничная девка Justine, преобразованная в Марью. Все остальные имена персонажей остались прежними — Дорваль, Клервиль, Констанс и пр. Замеченный парадокс Л. Б. Светлов объясняет следующим образом: «Разумеется, дело здесь не в неприятности русского произношения этих имен, а в господствовавших в то время сословных предубеждениях. Переводчик полагал, что горничная и лакей не могут носить столь “приличных” имен, как Юстина и Карл, и им подобает иметь простые имена Марья и Карп. Иное дело имена господ этих слуг. Укажем, кстати, что другие переводчики “Побочного сына”, очевидно, не придерживались таких взглядов на “странные” свойства русского произношения и не стали менять ничьих имен в пьесе». ³⁰

Случай Ельчанинова чрезвычайно интересен, однако было бы заблуждением рассматривать его ономастические замены исключи-

---

²⁶ Детский собеседник, изданный г. Беркеном, а переведенный с французского Двора Ее Императорского Величества камерпажем Иваном Янковичем де Мириево. СПб., 1791. Ч. 1. Предисловие. С. [4] нумер.

²⁷ Побочный сын, или Искушении добродетели. Комедия в пяти действиях и простою речью писанная. Сочинение г. Дидерота / [Пер. с франц. Б. Е. Ельчанинов?]. [СПб., 1767].

²⁸ По сведениям составителей «Сводного каталога русской книги гражданской печати XVIII века» (М., 1961. Т. 1. С. 290–291. № 1861), переводчиком комедии был Е. С. Харламов. Однако, по мнению Г. П. Макогоненко, это заблуждение (см.: Макогоненко Г. П. От Фонвизина до Пушкина. М., 1969. С. 181–185). См. также: Левин Ю. Д. Драматургия // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1996. Т. 2. С. 55–56.

²⁹ См.: Светлов Л. Б. Русские переводы произведений Дидро // Французский ежегодник. 1965. М., 1966. С. 220.

³⁰ Там же.

тельно с позиций «классового антагонизма» или «сословных убеждений». С исторической точки зрения такой подход, конечно же, допустим.³¹ Слуги преимущественно были люди бесправные, простого рода, а то и вовсе «без рода, без племени». Это-то отношение к слугам как к «инвентарю», полунеодушевленным, подсобным предметам, чьи имена как бы просто «названия» и переводятся подобно названиям предметов, и могло бы послужить объяснением «ономастического противоречия», однако при этом мы бы сильно погрестили против истины. На наш взгляд, следует разграничивать функционирование имен слуг в литературе XVIII — начала XIX в. и в самой жизни. Не располагая в настоящее время прямыми документальными источниками, считаем тем не менее возможным предположить, что многие авторы оставляли иностранные имена благородных персонажей, но охотно русифицировали имена слуг, затем чтобы соблюсти неписаное правило, которое мы и попытаемся реконструировать: «Во всяком литературном сочинении, оригинальном или переводном, система имен действующих лиц должна подчиняться требованиям иерархии стилей: возвышенным стилем должно передавать имена благородных господ, имена же слуг надлежит сообщать подлым стилем. Нарушение этого правила приводит к неприятному смешению стилей». По всей видимости, такое восприятие имен персонажей держалось вплоть до пушкинских времен.

Примечательно, что ономастическое противоречие в «Скупом рыцаре» было зафиксировано исследователями только в конце XX в. Между тем современники Пушкина, насколько известно, никакого противоречия в русском имени слуги не замечали. Очевидно, что Пушкин, вопреки мнению современных исследователей, и в мыслях не держал поразить читателя «странной ономастикой» — напротив, он всего лишь следовал тем литературным условностям XVIII в., которые сегодня следовало бы назвать «стилистическим анахронизмом», причем анахронизмом настолько забытым, что в наше время он вполне может сойти и за новаторский прием.

Трудно сказать, осознавал ли сам Пушкин стилистическое противоречие в русском имени слуги у молодого Альбера. Вероятно,

---

³¹ Во Франции XVIII в. отношение к слугам как к «инвентарю» имело порой самое непосредственное отношение к именованию: «Мотивация господ в именовании слуги может быть интерпретирована по-разному. <...> Использование прозвищ, вне всякого сомнения, служило к тому, что господа смотрели на слуг как на детей или же вовсе как на инвентарь» (*Maza S. C. Servants and Masters in 18th-Century France. Princeton, 1983. P. 177*).

нет. Во всяком случае, нелепости исторического анахронизма он точно не замечал.³² Последнее тем более справедливо, если вспомнить, с каким азартом автор «Скупого рыцаря» указывал на исторические несообразности в сочинениях Загоскина, Бестужева или Рылеева.

Виталий Симанков

---

³² Ср. слова самого Пушкина по другому поводу: «Сколько несообразностей, ненужных мелочей, важных упущений! сколько изысканности! а сверх всего, как мало жизни! Однако ж сии бледные произведения читаются в Европе. Потому ли, что люди, как утверждала Madame de Staël, знают только историю своего времени и, следовательно, не в состоянии заметить нелепости романтических анахронизмов?» (XI, 92).

ПУШКИН, БАРОН БРАМБЕУС И «ПОЛЯЧКА МЛАДАЯ»

Через три месяца после гибели Пушкина в «Библиотеке для чтения» (1837. № 5. Отд. I. С. 65–96) появился фельетон «Первое письмо трех тверских помещиков к Барону Брамбеусу». Посвящен он был начатой за несколько лет до того редактором журнала О. И. Сенковским борьбе с элементами церковно-книжного языка в языке литературы. Эта борьба скоро свелась к нападкам на местоимения *сей, оный, кои* и т. д., которые трактовались им как «канцеляризмы». Как и в других полемических случаях, Сенковский выступал под литературной маской Барона Брамбеуса.

До рассвета поднявшись, перо очинил
Нечестивый Брамбеус барон.
И чернил не щадил — *сих* и *оных* бранил —
До полудня без отдыха он...¹

За нападками Барона Брамбеуса на «*сих* и *оных*» стояла определенная языковая программа: Сенковский считал, что стилистическим фундаментом литературной речи должна стать светская «разговорность», равно чуждая и книжно-славянской традиции, и народному просторечию, но применяющаяся к языковым вкусам

---

¹ Бахтурин К. П. Барон Брамбеус // Эпиграмма и сатира: Из истории литературной борьбы XIX века. М.; Л., 1931. Т. 1. С. 320.